

БОРОДИНСКАЯ БИТВА В НЕКОТОРЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ИЗДАНИЯХ 1912 г.

В столетний юбилей Отечественной войны 1812 года в Российской империи широко развернулась издательская деятельность. Монографии и статьи публиковали военные историки В.А. Афанасьев, А.В. Витмер, А.В. Геруа, Б.М. Коллюбакин, Н.П. Поликарпов, А.П. Скугаревский и др.

Органичной частью публикаций была тема Бородинского сражения - важнейшего события Отечественной войны. До сего дня дискуссионным остается вопрос, кто победил на Бородинском поле. Знаменитый военный теоретик Карл фон Клаузевиц писал: «Чтобы победить, необходимо не только захватить поле сражения, но и разгромить противника морально и физически». После генеральной битвы русские войска, по свидетельству И.П. Липранди, начали отходить с Бородинского поля спустя одиннадцать часов. Французы и не пытались преследовать войска Кутузова. Так что речь может идти не о захвате французами поля сражения, а о его оставлении русскими войсками. Причем среди солдат был слышен ропот и возмущение в связи с отходом. Морально русские не были сломлены. В то же время в рядах наполеоновских войск были «все потрясены и подавлены», как вспоминал Цезарь Ложье. Потери в живой силе были огромными с той и другой стороны (особенно в командном составе французов). Солдаты Кутузова доказали, что они способны не только бить противника в оборонительной битве, но и победить в войне. Русские войска сохранили в жесточайшем сражении ядро своих сил, без которых было бы невозможно обеспечение победы в войне.

Перипетии битвы нашли отражение в популярных изданиях Товарищества И. Д. Сытина, в частности в семитомном - «Отечественная война и русское общество» под редакцией А.К. Дживелегова,

С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. В 1912 г. вышло юбилейное, тоже сытинское, издание романа «Война и мир» с иллюстрациями А.П. Апсита. С выходом этой эпопеи интерес читателей к Отечественной войне, к Бородинскому сражению стал всеобщим, устойчивым и заразительным. Живыми, пластичными оказались не только исторические, но и вымышленные образы Толстого. Важную роль сыграло великолепное знание автором топографии Бородинского поля, на конкретных пунктах которого действовали персонажи. Размышления писателя о войне, сражении, поступках Кутузова, Наполеона и других лиц, сам процесс анализа становятся, как отмечала литературовед Л.Я. Гинзбург, составной частью образов, художественными фактами. Накануне юбилея писатель и публицист А. В. Амфитеатров писал: «Одна из главнейших заслуг "Войны и мира" в том и состоит, что вольный и глубокий гений Толстого опрокинул все шаблоны, стер все трафареты, смыл наслоения Михайловского-Данилевского и других официальных "баснописцев", произвел переоценку огромному числу авторитетных ценностей Александрова века и, сквозь анекдоты и легенды, рассмотрел простые движущие силы героической эпохи, о которых до Толстого мало кто помышлял, почти никто не говорил, и диким, непристойным, непатриотическим, запретным почиталось помышлять и говорить о них»¹.

Толстой не проводил научную реконструкцию битвы. Полнота реконструкции невозможна, потому что «прошлое не подлежит прямому наблюдению». Детали и факты не всегда несут исторический смысл, чаще имеют художественный. Они не реставрируют реальность прошлого, а скорее создают представление об этой реальности. Мелкие неточности не искажают исторического смысла.

В юбилейный год популярны были включения толстовского текста из «Войны и мира» в некоторые сборники. Такой подход был реализован в издании Санкт-Петербургского общества грамотности «Отечественная война в художественных произведениях, записках, письмах и воспоминаниях современников» (составитель А.В. Мезиер). В части, посвященной битве, толстовский текст включен в следующие разделы: «Молебен накануне Бородинского боя», «На редуте Раевского», «Наполеон на Бородинском поле». Востребовано было и «Бородино» Лермонтова.

В Петербурге в типолитографии «Братья Ревины» вышло бесплатное приложение к журналу «Дружеские речи» «Отечественная война и ее герои в изображении лучших русских писателей». Бородинская битва представлена здесь главами из толстовской эпопеи и из романа Г.П. Данилевского «Сожженная Москва», а также лермонтовским стихотворением.

К столетию в Петербурге издательство А.Ф. Девриена в седьмой раз выпустило историческую повесть для юношества из времен Отечественной войны «Грозная туча», написанную С.М. Макаровой. Книга иллюстрирована известным художником-баталистом Н.Н. Каразиным. В произведении Макаровой воплощена романтическая мечта о милосердии, закреплённая легендарным образом М.М. Тучковой. В день битвы она оказала первую помощь наполеоновскому офицеру Этьену Ранже. Его однополчанин Ксавье Арман, ослеплённый завистью и злобой, пренебрег долгом чести и не стал спасать своего раненого командира. Вымышленная временная передвижка поисков Тучковой тела своего мужа, помощь раненому снижали ожесточение противоборствующих сил.

Изучив источники, автор повести сжато показывает значение рейда русской кавалерии в тыл итальянского корпуса: «Казачи... произвели такой переполох в тылу армии вице-короля Евгения Богарне, что бывший там обоз обратился в бегство, а в нем были не одни только пожитки сражавшихся, но и жены их. Это обстоятельство не только еще более смутило корпус Богарне, но и приостановило дальнейшие действия Наполеона на наш центр. Он только что было приказал своей молодой гвардии идти на Семеновское, чтобы окончательно выбить наших из укреплений, находившихся поблизости этого селения, как узнал о переполохе у Бородина. Он остановил гвардию и сам поскакал к Колоче убедиться, не обошли ли русские его войска. Его отсутствием воспользовался Кутузов и усилил наши корпуса, сражавшиеся близ Семеновского»².

Итак, Наполеон появляется в разгар битвы на своем левом фланге не по своей инициативе, а вследствие активных действий русской кавалерии. Эта версия, выдвинутая Макаровой 125 лет назад, когда вышло первое издание повести, отмечает утверждения некоторых современных историков-энциклопедистов, будто Наполеон в течение всего дня генеральной битвы владел инициативой.

Большой интерес представляет роман датского поэта, прозаика и критика Софуса Аугуста Бертеля Микаэлиса (1865-1932) «1812. Вечный сон». В «Краткой литературной энциклопедии» отмечен русский перевод романа, датированный 1914 г. Между тем уже в 1912 г в Москве напечатали этот роман в трех издательствах, в трех разных переводах. В издательстве «Современные проблемы» это произведение вышло в четырехтомной серии «История завоевателя мира», куда вошли сочинения Артура Леви, Фредерика Массона, Фредерика Кирхейзена. Роман Микаэлиса в этой серии вышел в третьем томе. Книга этого писателя, находящаяся в библиотеке Бородинского музея, вышла в издательстве «Польза» В. Антик и К°. Роман посвящен походу Наполеона в Россию и гибели Великой армии. В произведении узнаваем культ героики, близкий ницшеанской идее «сверхчеловека». На эту роль претендует Наполеон, рука которого привела в движение человеческие потоки, текущие на восток. «Великая Армия идет, как на праздник, воодушевленная величественною самоуверенностью своего полководца». Вот один из моментов внутреннего диалога императора: «Я вырос на полях битвы, и миллион человеческих жизней мне ничем»³. На Бородинском поле от этого величия не осталось и следа.

Одна из двадцати глав книги называется «Бородино». Шевардинский бой автор определяет как «боевую увертюру», в результате которой русских вытесняют из передовой позиции. Затем они выстраиваются в боевом порядке, укрепляют позицию, встав фронтом к противнику. Микаэлис показывает сложное психологическое состояние Наполеона перед решающим сражением: то он чувствует себя умиротворенным, представляя Россию французской провинцией, в которой он проводит реформы, то, находясь в штаб-квартире близ Валуева, спокойно взвешивает свои шансы, то просыпается в страхе, думая, что враг ушел, то вскакивает с постели и выходит из палатки, чтобы проверить, кормили ли гвардейцев. Микаэлис подмечает у императора холодный пот на лбу, хриплый кашель, неутолимую жажду, боль в пояснице и паху, смертельный страх в связи с возможным отходом русских, бессонницу, полузаглушенный крик.

Панорама сражения в романе складывается из впечатлений Наполеона, обозревающего Бородинское поле после битвы по маршруту: Утицкий курган - Семеновское - флеша Багратиона - штаб-квартира. Кроме того, эпизоды битвы воспроизводятся в снах императора, в показе натуралистических картин, символических пейзажей. Вывод Наполеона неутешителен: «Это было не сражение, а ампутация. Великая Армия, которая за время своего губительного движения по России уменьшилась до трети своей первоначальной величины, в эту ночь истекала кровью, словно ей перерезали артерии»⁴. Близ Утиц Наполеон обнажил голову перед заходящим, «самым красным за всю его боевую жизнь» солнцем. «Это зашло не солнце Аустерлица, да он и не верил в солнце Аустерлица, когда оно утром выплывало из бледного предрассветного тумана...»⁵

По пути к Семеновскому свита едет вслед за Наполеоном гуськом, чтобы лошади случайно не наступили на раненых. Такой порядок передвижения не позволяет следить за лицом императора, и оно сбрасывает «личину бесстрастия». Оно страдает, потому что видит множество раненых. «Его собственная болезнь сделала его восприимчивым к чужим страданиям»⁶. К убитым он равнодушен.

В сумерках Наполеон подъезжает к флешам, заметив над брустверами разодранный трехцветный флаг, а также часовых, не узнавших императора. Он не слушает рассказ Мюрата, чуть не попавшего в плен; видит раненых, сползающих с пригорка к ручью, чтобы напиться. «По траве тянутся красные полосы, как будто кровь с поля сражения струйками стекает к ручью»⁷.

В штаб-квартире император проведает Даву, лежавшего после падения с лошади на походной кровати, осведомился об убитых генералах, послал привет и врачебную помощь раненым генералам, просмотрел рапорта, пытался продиктовать бюллетень, принял меры, чтобы было подобрано как можно больше раненых и оказана им врачебная помощь. Наполеон проявляет недюжинную работоспособность. Наделенный сверхчеловеческой силой воли, он, однако, нуждается в поддержке, в подкреплении веры в то, что он одержал победу. Но в пораженных голодом наполеоновских солдатах «не было сознания одержанной победы». Армия оказалась деморализованной: «никто не вспоминал о недостающих товарищах», животная усталость вызывала ожесточение сердец, среди солдат царили «унылое безразличие и зачерствелый эгоизм»⁸.

Бородинская битва стала для наполеоновских солдат потрясением космического масштаба. Тысячи раненых на Бородинском поле вглядывались в небесный свод на падающие звезды, напоминающие летящие гранаты. Для некоторых звезды - это подсчет душ, покинувших в сражении тела. Другие, выбрав звезду, ожидали, когда она сорвется, чтобы пришли смерть и избавление от страданий. Третьи надеялись на то, что за сотни миль эти звездочки увидят родные и вспомнят о «несчастных страдальцах»⁹. Таким образом, звезды, как символы надежды на лучшее, в интерпретации Микаэлиса стали предвестниками страданий и избавления от них.

Следить за небом Наполеону мешала палатка, щель которой заливали «золотыми нитями» падающие звезды. Само небо смотрело на него в узкое пространство. В полудремоте и во сне к императору возвращался хаос событий бородинского дня, и он бросает вызов судьбе в ответ на бесконечные просьбы о подкреплении, на известия о взятии флешей, а затем об отступлении: «Довольно! Довольно! Заткни эти глотки! Сколько же раз можно брать и терять, и снова брать укрепления? Неужели же всем моим генералам быть убитыми?»¹⁰. Эта экспрессивность интонации придана автором романа «сверхчеловеку». Вспоминается финал Бородинской битвы в толстовской эпопее: накрапывающий дождик наставительно обращается к сражающимся: «Довольно, люди, опомнитесь!». Наполеон меряется силой со стихией, трансцендентными силами.

Сон Наполеона одновременно и его внутренний монолог, драматизированный Микаэлисом. Поразительной сверхчувствительностью наделяет писатель императора, который, находясь в палатке, окруженной каре целой, здоровой, бодрой и верной гвардии, слышит храп 20 000 невредимых солдат, последней надежды Наполеона. Но император слышит и хрипы тысяч страдальцев на Бородинском поле, жаждущих вечного сна, слышит «последние вздохи, судорожное биение останавливающихся сердец». Он видит обращенные на него потухающие глаза страдальцев, бледные губы которых «хотят произнести его имя в тот момент, когда смерть навеки смыкает их»¹¹.

А какой романтикой овеяны действия Наполеона в начале сражения, когда он «скачет в лучах утреннего осеннего солнца, которое холодным светом обливает его лицо. Он зорко всматривается в неприятельские укрепления. В цепи аванпостов гремит выстрел, за которым следует испуганный писк взлетевших лесных птичек, гоготание гусей и крики петухов в деревнях»¹².

Неоромантизм Микаэлиса включает в себя черты и символизма, и экспрессионизма, и натурализма. В противовес возвышенным словам о небесных светилах автор создает жуткую кладбищенскую картину, когда при ночных всполохах зарниц над Бородинским полем «в пространстве узкого кругозора внезапно блестели - кивер, подкова на лошадиной ноге, сгусток крови на разорванной волосатой груди, желтое сало среди красного мяса в развороченном лошадином боку, серый мозг, разбросанный по траве, точно комок извивающихся червей, пушечный лафет, захавший во внутренности гвардейца...»¹³. «Вся правда» этой жестокой натуралистической картины, построенной по правилу крещендо, противоположна идеализирующей эстетике романтизма.

Если роман Софуса Микаэлиса был рассчитан на узкий эстетствующий круг читателей, то издания Товарищества И. Д. Сытина были предназначены широким слоям народа. Замечательный просветитель мечтал о том, «чтобы народ имел доступную по цене, понятную, здоровую, полезную книгу»¹⁴. Сытин исповедовал два условия, обеспечивающие успех книги: очень интересно, очень доступно. Такой доступной по цене (5 коп.) стала брошюра «Бородинский бой. 1812 г.». Ее написал заслуженный профессор, действительный член Императорского русского военно-исторического общества Н.П. Михневич. 48-страничная книжка (формат 17 x 12 см), отпечатанная в московской типографии Товарищества И. Д. Сытина, содержит отличные репродукции работ Верещагина, Дезарно, Скотти, Фабер дю Фора и других художников. На форзаце брошюры размещено оглавление, раскрывающее ее содержание:

- Введение
- Бородинская позиция
- Расположение русских войск
- Шевардинский бой
- Накануне Бородинского боя
- 26 августа
- Бой за Семеновские флеши
- Бой у Бородина и за батарею Раевского
- Поиск (неожиданный набег) Уварова и Платова за р. Колочу
- Конец боя на Семеновском участке
- Последние атаки на участке у батареи Раевского
- Бой у д. Утицы после полудня
- Конец сражения
- «Не нам, не нам, а Имени Твоему».

Расположение наполеоновских войск рассматривается в разделе «Накануне Бородинского боя». Михневич дает пояснение военных терминов всякий раз при их употреблении: позиция (место боя), флешь (укрепление), люнет (укрепление, открытое с тыльной стороны), редут (сомкнутое укрепление), фланг (сторона). Курсивом автор отмечает: «... опытных солдат в нашей армии в день Бородинского сражения было всего 90 000 человек»¹⁵. В их число не входило 15 000 рекрутов, приведенных Милорадовичем. У Наполеона историк насчитывает, ссылаясь на новейшие исследования (Ф. Фабри), более 152 000 человек. Некоторые страницы брошюры напоминают текст художественного произведения: «В четыре часа он (Наполеон.- *В.Ф.*) вышел из палатки. Ночь была темная и сырая. Чуть слышная сырость падала сверху. Костры биваков гвардии неярко горели, и далеко сквозь дым блестели костры по русской линии. Везде было тихо, и ясно слышались шорох и топот начавшегося уже движения французских войск для занятия позиции (места для боя)...»¹⁶.

По версии Михневича, суммарные потери в Бородинской битве равны 100 тысячам: у русских - до 58 тыс., у французов - до 50. Подводя итоги сражения, историк приводит слова Толстого: «... под Бородиным была наложена рука сильнейшего [духом] противника»¹⁷.

В своих воззрениях Михневич эволюционировал, что можно заметить в других его публикациях 1912 г. Так, при сопоставлении вариантов изложения событий в написанной «для школ, войск и народа» брошюре «Сто лет назад (26 августа 1812 года). Великий день Бородина» (издание И.С. Симонова и Ил.В. Казначеева) и в очерке «Бородино», опубликованном в IV томе роскошного сытинского издания «Отечественная война и русское общество», обнаруживаются существенные разночтения. Если в брошюре автор охарактеризовал нападение на Шевардинский редут как «столкновение с нами из-за Шевардинского редута»¹⁸, то в очерке «Бородино» Михневич пишет о том, что столкновение произошло потому, что русские войска, расположенные у Фомкина, Доронина, Шевардина и редута, мешали развертыванию наполеоновских войск, следовавших по Новой Смоленской дороге¹⁹.

В этом очерке даются и оценочные суждения. Историк считал русскую позицию несильной и неправильно занятой, потому что половину войска пришлось переводить по полю сражения к центру и левому флангу позиции. Набег Уварова и Платова помог выиграть необходимые для этого два часа. Войскам Багратиона пришлось вести бой против втрое превосходивших сил противника. Все ошибки были искуплены доблестным поведением войск. В таком случае не может идти речь об исключительно положительной оценке действий Кутузова, хотя автор пишет о превосходном управлении боем. Полнота версии Михневича хода битвы прослеживается именно в очерке «Бородино», рассчитанном на прочтение специалистами-историками.

Используя исследование Н. П. Поликарпова, историк сообщает в постскрипуме о подлинном донесении Кутузова, в котором не упоминалось ни о победе, ни об отступлении неприятеля, но подчеркивалось упорство и мужество русского войска, сообщалось о больших потерях, о взятых трофеях. Подлинное донесение Кутузова было подделано графом Аракчеевым и в таком виде представлено Александру I.

И все же Кутузов, пишет Михневич, был уверен в победе, сообщая своей жене: «Я, слава Богу, здоров и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием»²⁰.

В 1912 г. в Петербурге вышла иллюстрированная книга «1812 год» с маркой Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг» - «бесплатное издание для войск, народа и учащихся». Вступление от издателя написал некто Е. Богданович. Стилистика вступления и основного текста оказались сходными. А вскоре книга обрела автора в лице генерала от инфантерии, писателя и публициста Евгения Васильевича Богдановича (1829-1914)²¹. Он состоял в переписке с императором Николаем II. Не удивительно, что автор использовал в своей книге материалы, находящиеся, как он пишет, «в Царском хранилище», «в Царских библиотеках». Запомнились ему и слышанные в детстве рассказы отца, который «у Березины гнал врагов из России», «тяжело ранен в голову под Шампобером», «торжественно с войсками вступил в Париж»²². Бородинскому сражению автор посвятил одну из девяти глав книги. Богданович впервые опубликовал здесь письмо Кутузова от 23 августа 1812 г. и фотокопию этого документа, посланного из Бородина 76-летнему графу Н. И. Салтыкову, председателю Государственного совета и Совету министров²³. Кутузов просит как можно быстрее послать к Москве резервы (рекрут из депо 2-й линии). После кровопролитных боев на Смоленщине русские полки были «весьма некомплектными». Характерно кутузовское воззвание-восклицание, отмеченное Богдановичем курсивом: «Если полки мои в комплекте, то, ей Богу! Никого не боюсь». В сборнике документов Кутузова ошибочно указано, что впервые это письмо и его фотокопия опубликованы в журнале «Огонек» (1945, №37)²⁴.

Уточнение необходимо сделать и в известной книге А.Г. Тартаковского «1812 год и русская мемуаристика». В перечне мемуаров, посвященных эпохе 1812 года, с указанием «всех дореволюционных публикаций»²⁵ не учтена публикация Е. В. Богдановичем в названной выше книге значительной части мемуаров военного инженера генерал-лейтенанта Д. Богданова 2-го «Бородино. Из войны 1812 года. Рассказ очевидца». Цитирование большого отрывка из мемуаров Богданова 2-го публикатор предваряет следующим заявлением: «Эта нигде не напечатанная рукопись хранится тоже в Царском хранилище и впервые появляется здесь»²⁶. Присоединяясь к положительной оценке Богдановым избранной Кутузовым позиции, автор книги курсивом выделяет часть текста мемуариста, где выражена «основная мысль нашего доблестного вождя - его тайна», который «хорошо знал положение неприятеля и причины постоянных стремлений принудить нас во что бы то ни стало к битве, а потому и воспользовался полями Бородино... где 1-я армия обеспечивалась от всякого покушения и тревоги, где ни один неприятельский снаряд не мог нанести ей значительного вреда... из ее линий он (Кутузов. - В.Ф.) сам мог в каждый момент при ходе битвы подкреплять и освежать свои силы. Чтобы скрыть все это от противника, Кутузов дал приказание занять временно войсками под начальством князя Горчакова деревню Шевардино»²⁷.

Почти сто лет назад Богданович, привлекая мемуары Богданова 2-го, очевидца и участника битвы, написанные на основе дневников, обнаружил тот факт, что на Шевардинском редуте было установлено три орудия, а с правой его стороны - девять. У Богданова четко указано, что назначение именно этих девяти орудий, находящихся на возвышенности ближе к деревне Шевардино, в том, чтобы «вредить движению неприятельских войск по Московской дороге»²⁸.

Характеризуя Бородинскую битву, в частности момент ранения Багратиона в 11-м часу, автор книги «1812 год» отсылает читателя к воспоминаниям Дохтурова (со слов А. И. Михайловского-Данилевского). Они опубликованы в пятом томе «Военно-энциклопедического лексикона» в 1854 г. Об Александре Виртембергском, посланном Кутузовым на левый фланг, Дохтуров пишет, что принц «не имел времени узнать подробно положение дела и не мог ничего объяснить». Графа Сен-При, начальника штаба 2-й армии, Дохтуров «нашел оконтуженным», сказавшим при отъезде: «Я так слаб, что не в состоянии сообщить требуемых вами сведений». Новый командующий 2-й армией исчерпывающие ответы получил от генерала Коновницына. Дохтуров сообщает о том, что «французы в семь часов вечера начали отступать, это я видел своими глазами». Веско звучат заключительные слова генерала: «Я полагаю Бородинское сражение совершенно выигранным»²⁹.

Автор книги «1812 год» считает, что в Бородинской битве русских участвовало около 120 тыс. человек, у Наполеона - около 185 тыс. Потеряно: у нас - менее 45 000, у противника - около 60 000. Конечно, весь этот подсчет спорный. По мнению Е.В. Богдановича, «Бородино - это был роковой приговор за преступления Наполеона, приговор, за которым вскоре последовало наказание»³⁰. В качестве приложения автор опубликовал Список всех воинских частей, участвовавших в Бородинском сражении, с указанием их квартирования в юбилейном году.

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить, что к 100-летию битвы значительная часть публикаций была рассчитана на простого читателя и изложена доступным языком. Широко использовалась художественная литература не только в брошюрах, написанных для чтения «в школах, войсках, народе», но и в трудах для специалистов (семитомное издание Сытина и др.). Узкий круг любителей книги интересовался и переводной художественной литературой (роман С. Ми-каэлиса «1812. Вечный сон»). Некоторые ученые (Михневич) писали для широких читательских кругов и для образованного круга, историков. В последнем случае звучали и критические суждения по вопросам освещения отдельных моментов Бородинской битвы.

Вся Россия праздновала годовщину сражения с чувством законной национальной гордости. В юбилейные дни писатель и философ

В.В. Розанов так оценил великое событие: «Исторические дела, сложные судьбы народов полны таких же печалей и неудач, несовершенств и бессилия, как и жизнь единичного человека; и только изредка этот серый цвет будней прорезывается полным солнцем, и в воздухе стоит голубой день (голубой цвет в православии считается символом вечности. - В.Ф.). Годовщина 12-го года и ее центр - Бородино - именно есть такой голубой день русской истории. Оглядываясь на него, всякий русский человек радуется. Всякий чувствует себя сильнее, всякий надеется на большее в будущем для своей родины, для своего потомства»³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Амфитеатров А.В. 1812 год: Очерки из истории русского патриотизма // Собр. соч. СПб., 1911. Т. 16. С. 12.

² Макарова С.М. Грозная туча: Ист. повесть для юношества из времен Отечественной войны. 7-е изд. СПб., 1912. С. 154.

³ Микаэлис Софус. 1812: Вечный сон. / Пер. с дат. М. Розенфельд. М., 1912. С. 21, 78.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Там же. С. 78, 79.

⁷ Там же. С. 79, 80.

⁸ Там же. С. 87.

⁹ Там же. С. 81, 82.

¹⁰ Там же. С. 91.

¹¹ Там же. С. 94.

¹² Там же. С. 89.

¹³ Там же. С. 83.

¹⁴ Сытин И.Д. Страницы прошлого // Жизнь для книги. М., 1978. С. 130.

¹⁵ Михневич Н.П. Бородинский бой. 1812 г. М., 1912. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 19.

¹⁷ Там же. С. 48.

¹⁸ Михневич Н.П. Сто лет назад (26 августа 1812 г.): Великий день Бородина. 2-е испр. изд. СПб., 1912. С. 18.

¹⁹ Он же. Бородино // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. IV. С. 19.

²⁰ Там же. С. 27, 28, 29.

²¹ Е.В. Богданович разработал один из ранних проектов Сибирской железной дороги - будущего Транссиба. Почетный гражданин Тюмени, Екатеринбург и других городов. Имя генерала увековечено в названии одной из узловых станций под Екатеринбургом, ныне это районный центр Богданович. Выражаем признательность старшему научному сотруднику Бородинского музея, кандидату исторических наук С.Н. Хомченко, нашедшему в Интернете биографические сведения о Богдановиче.

²² [Богданович Е. В.]. 1812 год. СПб., 1912. С. 12.

²³ Там же. С. 61-62.

²⁴ М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 132-133. В сборнике нет фразы: «Его Сияву гр. Н.И. Салтыкову». Приписка рукой Кутузова о «ремонтах кавалерийских» в публикации Богдановича отсутствует, как и два последних слова в приписке - рукой П. С. Кайсарова.

²⁵ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика (Опыт источниковедческого изучения). М., 1980. С. 265.

²⁶ [*Богданович Е.В.*]. Указ. соч. С. 60.

²⁷ Там же. С. 68, 69.

²⁸ Там же. С. 69. См. также: *Богданов Д.* Бородино: Из войны 1812 года: Рассказ очевидца // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 900. Л. 6. Мы благодарим заведующего отделом изучения, сохранения и музеефикации Бородинского поля, заслуженного работника культуры РФ А. А. Суханова за предоставление архивной копии мемуаров Д. Богданова 2-го.

²⁹ Военно-энциклопедический лексикон. 2-е изд. СПб., 1854. Т. 5. С. 182.

³⁰ [*Богданович Е.В.*]. Указ. соч. С. 84.

³¹ Неистовый Розанов: «Наш Марафон» // Историк и художник. 2005. №1. С. 174-175.